

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 783.6

Н.Г. Денисов

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ

Рассматривается искусство пения русских старообрядцев; делается вывод об исторической связи старообрядческого церковного пения с культурой Древней Руси.

Ключевые слова: русские старообрядцы; церковное пение; Древняя Русь.

История старообрядческого церковно-певческого искусства заслуживает отдельного большого исследования. Как известно, в 1656, 1666, 1667 гг. Соборы Русской православной церкви узаконили нововведения в церковные обряды в ходе реформ, проводимых патриархом Никоном, а на сторонников древних обрядов были наложены «клятвы» [1. С. 55]. В 1668 г. грамота вселенских патриархов одобрила и узаконила введение в церкви многоголосного партесного пения [2. С. 375; 3].

В 1685 г. были обнаружены «12 статей» царевны Софьи. В соответствии с ними люди, придерживающиеся старых церковных обрядов, подлежали уголовному преследованию и наказанию: их можно было сжечь в срубе, казнить «смертию», бить кнутом, ссылать в дальние города, наказывать батогами и кнутом. «Под страхом смертной казни воспрещено содержание раскола» [4. С. 195]. Эту дату фактически можно считать началом собственно истории старообрядчества. С этого времени приверженцы древних обрядов официально оказались вне закона по отношению к Церкви и государству. В конце XVII – начале XVIII в. происходит разделение старообрядцев на два основных течения – поповцев и беспоповцев, а в дальнейшем – на множество так называемых согласий.

Следует учитывать, что ряд событий, которые произошли на Руси в период раскола, сыграли определенную роль в истории церковной певческой культуры. В 1654–1656 и 1668 гг. по указу царя Алексея Михайловича в Саввино-Сторожевском монастыре работала комиссия по исправлению певческих рукописей с раздельноречной редакцией текстов на истинноречную. Важная роль в ее деятельности принадлежала теоретiku знаменного пения того времени, старцу Александру Мезенцу. Результатом трудов комиссии явилось создание системы «признаков» [2. С. 183], которая была принята старообрядцами поповского направления. В их певческой практике закрепились рукописи с истинноречной редакцией текстов, имеющие знаменную нотацию с пометами и «признаками».

В ходе «углубления раскола» духовные наставники старообрядчества – протопоп Аввакум, подьяк Федор Трофимов, Никита Пустосвят, поп Лазарь, протопоп Стефан в своих посланиях в защиту старой веры выступали сторонниками «единогласного» пения [5–7].

В XVIII в. в богослужебной практике старообрядцев закрепились основные типы певческих книг, употреблявшиеся на Руси до раскола: «Ирмосы», «Октай», «Обиход» (с «Триодью Постной и Цветной»), «Празд-

ники», «Трезвоны». Вместе с тем именно в старообрядческой среде возникли два новых типа монодийных певческих книг: «Демественник» и «Обедница» [8].

В 1714 г. появились знаменитые «Диаконские ответы». Они содержали 130 ответов старообрядцев Нижегородскому епископу Питириму в защиту «старой веры». Этот труд, являющийся памятником старообрядческой богословской мысли, был создан диаконом Александром, казненным за свое сочинение в 1720 г. В одном из ответов была официально сформулирована и изложена позиция старообрядцев о церковном пении:

«Статия 113. Нововнесенное въ церковь пение: киевское четверогласное, и партесное многоусубление, каковыхъ напевовъ древле въ церкви не бе. Засвидетельствуетъ же царскихъ родовъ степенная [9], история въ грани 2, въ главе 6, яко, во время христоролюбиваго князя Ярослава, приидоша къ нему отъ Царя града богоподвизаемии трие певцы гречестии, отъ нихъ же начатъ быти въ русстей земли ангелоподобное пение, изрядное осмогласие, наипаче и трисоставное (еже есть, троестрочное) сладкогласование, и самое прекрасное демественное пение. И сицевое богогласное пение приятное отъ древлеправославныхъ грековъ церковь российская содержала.

А киевское, и четверогласное и партесное многоусубление съ нововводными чины въ России нововнесся.

А въ Номоканоне афонския горы, собраниемъ отъ святыхъ правилъ, о устроении пения, сице засвидетельствуетъ. Собора 6 отъ правила 75 отъ 41. Еже пети въ церковь приходящии хоцемъ, да ниже вискание безчинное творять и естество на вопль понуждають. Ниже что проглаголють, отъ иже не приличныхъ церкви и не своихъ.

О Валсамона и отъ Зонарева [10] толкования.

Установиша убо отцы, да не поють священная пения и псалмы вищанми безчинными и пьянственными и естеству нужду приносящими. Ниже некими доброгогласии не приличными церковному составлению и последованию, якова же суть мусикийская пения, и излишняя различия гласовомъ, и прочая.

(А на стране красными буквами напечатано): итталийскихъ разногласий, любителю, внимай.

И паки ниже: ведомо ти буди и сие правило, како възбръняеть органы, и пригудная пения, и песни блудническия во псалмопениихъ ухищряемья. Такожде и глаголемая усугубления, и безстудное сихъ бываемое пренебрежение. И паки ниже: поющии же гласъ или отончевають, и возносять, или одебелевають, или ве-

лии испускают, се же да лучшии инехъ явятся, и чело-векоугодие и тщеславие исполняютъ. Сицевая пеня отъ церкви суть далече, и сице поюшии правильно да запрящаются» [11].

Так началась «новая» история древнерусского певческого искусства в старообрядческой среде. В данной статье не поднимаются вопросы полемики, которая велась старообрядцами с господствующей Церковью на протяжении всего времени существования. Вопросы пеня не ставились во главу угла при этом. Однако стоит привести один интересный документ из истории старообрядческой полемической литературы второй половины XVII в. Он принадлежит старообрядке Евдокии, проживавшей в Тобольске, где шла жесткая полемика между представителями враждующих конфессий после пожара, который произошел в Знаменской церкви 1 августа 1661 г. 28 мая 1662 г. ей было видение Богородицы. В зафиксированном старообрядческом письме говорится об этом следующее: «А ныне де пречистая Богородица изволила ей, Овдотье, сама сказать изо уст своих, чтоб она, Овдотьа, сказала отцу своему духовному и всем православным христианом, что де в церквах Божиих учили петь латынское пение, а старое пременили, и у того пеня православным христианом стоять отнюдь немочно. И учили де православные христиане боятца врагов Божиих, которые смущают православною христианскою верою, а Бога не боятца. И чтоб де православные христиане то латынское пение оставили и прибегнули б к церквам Божиим с чистым сердцы и с поканием, и пели б по-прежнему...» [12. С. 225].

Церковно-певческие традиции у старообрядцев сохранялись и продолжали развиваться, прежде всего, в духовно-административных центрах, которые возникли в разных местах. Некоторые из них стали знамениты во всем старообрядчестве. Значение их распространялось на целые согласия, большие географические пространства, многие десятилетия и даже столетия. Отдельные очаги стали известны, прежде всего, благодаря певческому искусству.

Один из первых центров старообрядцев поповского направления вошел в историю под названием СТАРОДУБЬЕ и ВЕТКА [13–19].

В этих местах, как только поселились старообрядцы, были воздвигнуты храмы, постоянно совершались богослужения. На Ветке появилась своя школа иконописного письма [20–21]. Здесь же началась практика переписывания певческих книг, сложились свои особенности почерка крюков, оформления цветных заставок, наконец, здесь был создан свой «ветковский распев» [22]. В Клинцах действовала знаменитая во всем старообрядчестве типография, из которой книги расходились по всем уголкам России [23].

Территория этого района в настоящее время поделена между Брянской, Гомельской, Черниговской областями и до сих пор густо населена старообрядцами. Здесь имеются общины как белокриницкого, так и беглопоповского согласия. Город Новозыбков (Брянская область) с 1963 г. является религиозно-административным центром беглопоповской Церкви, город Клинцы (Брянская область) – епархиальный город Клинцовско-Ржевской епархии старообрядцев белокриницкого согласия. К сожалению, с 1986 г., после аварии на Чер-

нобыльской АЭС, все эти места оказались в зоне радиоактивного заражения.

Другим духовным центром являлся КЕРЖЕНЕЦ.

«Керженец – имя реки, протекающей в Семеновском районе Горьковской области и впадающей в Волгу. По названию реки называется местность, охватываемая ее течением... К концу XVII века на Керженце существовало до ста обителей мужских и женских. При Петре I началось разорение их» [24. С. 61].

В истории старообрядчества этот центр известен больше всего по роману П.И. Мельникова-Печерского «В лесах». Керженские скиты неоднократно разорялись, особенно во второй половине XIX в., самим П.И. Мельниковым-Печерским, бывшим чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе. Но и в настоящее время в Нижегородской области проживает очень много старообрядцев, причем разных согласий.

Керженец не славился как певческий центр, хотя существуют рукописи, в которых встречаются песнопения, имеющие указания: «скитского перевода», или «творение керженских распевщиков» [25. С. 90–92]; «керженского типца напев» [17. С. 188].

Еще одним центром старообрядчества в конце XVIII – начале XIX в. был ИРГИЗ.

«Иргиз – местность в степном левобережье Волги, вдоль р. Б. Иргиз (ныне Саратовская область), где по манифесту императрицы Екатерины II от 4 декабря 1762 г. было разрешено свободно поселяться и отправлять богослужение возвращавшимся из Польши старообрядцам (в основном выходцам с Ветки). Само переселение совершалось весьма просто: люди на границе объявляли свои имена и, взяв документ – рапорт, отправлялись в Саратовское воеводство для поселения на отведенных местах. Первоначально места здесь были глухие и дикие, сплошь покрыты лесами, где ютились не только звери, но и лихие люди, так что даже на реку за водой ходили с ружьем. Колонизируя этот край, старообрядцы превратили его в житницу России, построили большие слободы, а вокруг них возросло по нескольку монастырей-скитов» [26. С. 125].

Из всех исторических очагов старообрядчества Иргиз был знаменит именно как певческий центр с высокой культурой исполнения, культивировавший местный распев. Помимо этого здесь был создан свой «иргизский распев». Херувимская песнь «иргизского распева» и в настоящее время поется почти во всех старообрядческих общинах [27. С. 27]. Существуют целые рукописные сборники с подборкой большого количества песнопений под наименованием «иргизского распева». Музыкально-стилистические особенности этого распева пока не изучены в достаточной степени. Судьба этого центра плачевна. Он был разгромлен в первой половине XIX в. по указанию императора Николая I.

Бесспорно, одним из главных певческих центров, сложившихся в старообрядчестве, являлись ГУСЛИЦЫ.

«Гуслицы – старинное название обширной местности в Подмосковной Мещере. Расположена между г. Куровское, Егорьевском и верховьями р. Нерской. Занимает площадь около 400 км, охватывая десятки сел и деревень» [28. С. 65].

В Гуслицах с конца XVIII по XX в. целые династии старообрядцев в многочисленных селах занимались перепиской певческих рукописей. В начале XX в., в

связи с начатым Л.Ф. Калашниковым печатным изданием певческих книг, это искусство стало приходить в упадок. Однако гусликами было создано такое количество рукописей, что до сих пор они имеются практически во всех уголках земли, где живут и молятся старообрядцы. Крупные собрания гуслицких рукописей есть во всех ведущих библиотеках нашей страны.

В Гуслицах всегда действовали храмы и моленные дома, даже в годы суровых гонений. Здесь осуществлялось и обучение пению [29; 30. С. 539–542; 31. С. 539–542; 32. С. 14–18; 33]. И поныне исторические гуслицкие места населены старообрядцами. В Ногинском, Орехово-Зуевском, Павлово-Посадском, Егорьевском районах действуют старообрядческие храмы. Особенно много старообрядцев проживает в г. Куровское и его окрестностях.

Наконец, главным центром с конца XVIII в. и по настоящее время является РОГОЖСКОЕ.

«Рогожское кладбище в Москве основано при Екатерине II. В 1771 г. в Москве свирепствовала чума. Московским старообрядцам было отведено для погребения чумных покойников место за Рогожской заставой. Здесь постепенно возникло большое духовное пристанище с кельями, богадельнями и церквями... За время своего существования Рогожское кладбище было руководящим центром старообрядчества. Таким оно остается и в настоящее время» [24. С. 62].

Рогожское оставалось одним из немногих очагов в старообрядчестве, в котором никогда не прерывалась богослужебная практика, в том числе и певческая. Рогожское всегда являлось певческим центром. С ним связана деятельность выдающихся знатоков пения XIX – начала XX в.: М.Д. Озорнова, И.А. Фортова, Я.А. Богатенко, которые были руководителями хоров, создателями певческих азбук, преподавателями знаменного пения. Конфискованная в 1918 г. из Рогожской общины библиотека рукописей и книг (в том числе певческих) составляет широко известный в научной среде Фонд № 247 Российской государственной библиотеки. Именно на Рогожском во второй половине XIX в. зародился знаменитый Морозовский хор. В начале XX в. здесь проходили старообрядческие соборы и съезды, на которых обсуждались вопросы церковно-певческого искусства.

Об историко-культурном значении Рогожского существует большая научная литература [34, 35; 36. С. 118–152]. История и значение «рогожских» певческих традиций достойны отдельного исследования. Приведем только некоторые сведения об особенностях совершения богослужений в храме из старообрядческой прессы начала XX в.

«Религиозное обучение в старообрядческих семьях начиналось еще в домашней обстановке, где уже многие приобретали начатки грамоты, чтения и письма. Для дальнейшего образования требовались старообрядческие школы. Такая начальная школа с пятиклассным курсом обучения была открыта и на Рогожском кладбище, где помимо общеобразовательных предметов и уроков закона Божия преподавались и уроки церковнославянского чтения и древнего крюкового пения, которые вели большие знатоки старинного певческого искусства, протодиакон Е. Григорьев и М.Д. Озорнов.

В 1914 году на иждивении Рогожского кладбища там обучалось уже 89 мальчиков и 29 девочек» [35. С. 22].

«Для соблюдения чинности богослужений еще по Уставу 1883 г. полагалось при храмах Рогожского кладбища иметь: певцов (или дьячков) не менее 24, мальчиков – не менее 6, 2 причетника, 2 пономаря. За свою службу они обеспечивались от управления кладбища квартирой, отоплением и хлебом». «Кроме того, во время богослужений строго указывался порядок распределения чтений среди певцов», «...так каждый из них еще до службы знал свои обязанности и мог заранее тщательно подготовиться к исполнению порученного задания и был за него ответствен. Поэтому никаких ошибок ни в самих словах, ни в ударениях слов не допускалось, и службы проходили строго и чинно. Все богослужения проникались настроением соответственно своему содержанию: печальные – трогательностью исполнения, радостные – с особым подъемом торжественности». «Внешний вид, выправка, постановка голосовых интонаций – все привлекало, вселяло духовный трепет, напрягало внимание к слушанию произносимого текста. Сам речитатив, погласица как ектений, так и чтений Апостола и Евангелия, были строгими, по-старообрядчески классическими. И вот в целом, все службы – торжественные архиерейские богослужения, спокойные задушевные возгласы священников, выразительные диаконские ектении и чтения, старинное, крюковое, именно церковное пение, то с торжественно-возвышенным, то с печально-умиленным звучанием, на фоне старинных икон и трепещущего пламени свечей – все это создавало неотразимую красоту старинных богослужений и оставляло мирное впечатление на душе» [35. С. 32–33, 37].

Помимо известных центров в старообрядчестве существовало много локальных очагов, в которых бережно хранились певческие традиции, складывались местные особенности, создавались высокопрофессиональные коллективы. Все это предстоит изучить. Одним из таких мест является Стрельниковская община Костромской области, которая заслуживает отдельного внимания.

Село Стрельниково расположено вблизи г. Кострома. После выхода Указа императора Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» здесь, как и во многих других старообрядческих общинах, была открыта певческая школа. Осуществить это удалось благодаря стараниям местного священника Григория Лакомкина, впоследствии епископа Геронтия. Фактически все лучшее, что было в жизни общины в те годы, в том числе и возникновение школы, – плоды его трудов. Этот человек является одной из самых ярких фигур в истории старообрядческой церкви XX в., а его жизнь и подвиги в сложное советское время могут служить образцом для нынешних служителей церкви [37. С. 315–369].

16 ноября 1908 г. в Стрельникове было открыто земское училище для детей местных старообрядцев. В нем 18 детей стали обучаться церковному пению. Первыми учителями являлись В.И. Егин и В.И. Зыков. 4 октября 1909 г., к началу 1909/1910 учебного года, состоялось открытие нового здания училища. В 1909 г. пению обучалось уже 30 человек. Учителем пения оставался В.И. Егин, другие предметы вели В.Ф. Мушка-

рова и М.Г. Асташева. Вскоре число учеников пения в школе увеличилось до 40–45 человек.

Учитель В.И. Егин был прихожанином Стрельниковского прихода. Имея хороший голос (бас) и призвание к пению, он вместе со своим другом В.И. Зыковым был отправлен в Москву, в Рогожскую общину, для обучения церковному пению. Однако его деятельность в Стрельниковском училище была непродолжительной: заболев плевритом, он скончался 3 апреля 1911 г. в возрасте 22 лет. За немногие годы работы молодой учитель заслужил любовь и уважение учащихся и прихожан Стрельниковского храма, которые горько оплакивали его кончину. В 1911 г. занятия по пению в школе начались 3 октября. Учителями пения, после В.И. Егина, стали братья Феодосий и Федор Иоакимович Гусевы. Всего пению в это время обучалось 26 мальчиков и 16 девочек.

С 1913 г., кроме братьев Гусевых, пение в школе начинает преподавать Валентина Григорьевна Антонова. Она прошла обучение у В.И. Егина и была одной из первых и лучших выпускниц школы. Кроме этого, в Стрельниково, по благословению владыки Геронтия, приезжал из Санкт-Петербурга протодиакон Х. Марков, имевший музыкальное образование. Он давал консультации преподавателям, читал доклады «О пении».

Так продолжала функционировать Стрельниковская школа и в последующие годы: осенью начинались занятия, в конце года выпускники сдавали экзамены. Бессменной учительницей стала Валентина Григорьевна Антонова, на экзамены регулярно приезжал епископ Геронтий. Он хоть и возглавлял другую, Петроградско-Тверскую, епархию, но родной приход и школу при нем не бросал. Взаимной любовью отвечали ему и жители Стрельникова. По окончании обучения епископ Геронтий благословлял лучших учеников ехать в отдаленные приходы для обучения пению и руководства хором. Слава же о Стрельниковском хоре росла. Певцов приглашали в разные общины на торжественные праздники. Именно по примеру стрельниковцев епископ Геронтий, вдохновленный их успехами, поднимал вопросы о церковном пении на съездах в своей епархии [38. С. 500–501].

Последние выпускники певческой школы (они учились в 1916–1918 гг.) успели лишь начать преподавание церковного пения в общинах. Но, к сожалению, вскоре они стали свидетелями действий новой власти, направленных против религии. Вся последующая история певческих традиций в жизни Стрельниковской общины приходится на советское время. И судьба ее, как и судьба школы, более чем драматична [39. С. 480].

Кроме Стрельникова, значимые певческие очаги создавались в ряде других приходов. Интересные локальные духовные и певческие центры существуют в старообрядческой церкви и в настоящее время.

Многолетнее изучение певческих традиций старообрядческих общин позволило сделать ряд выводов.

Старообрядчество не есть некий застывший исторический «раритет». Это живая Церковь, со своими законами, традициями, самобытной культурой, требующей изучения как часть отечественной культуры в целом. Поэтому в старообрядчестве надо различать догматические, канонические и вообще письменные положения

относительно того или иного явления и форму его реализации, воспроизведения на практике. Следует отделять то, что хранится исторической памятью, от того, что создано с течением времени. Изучая любое явление в культуре старообрядцев, необходимо фиксировать его несколько раз в одном и том же месте, сравнивать с другими, учитывать оценку его самими носителями культуры. Важно при этом помнить, что сущность старообрядчества (во всех вопросах) сохранилась, прежде всего, в центре России, а не на окраине (в глубинке или за рубежом).

Старообрядческая певческая культура, как культура профессиональная и письменная, едина в типологическом отношении. Но в рамках этого единства есть своя локальная, региональная специфика. Поэтому в современной Русской православной старообрядческой церкви (белокриницкого согласия) есть две церковно-богослужебно-общинные традиции. Одна из них связана с Москвой (это *российская традиция*), другая с югом – возможно, с историческим местом в селе Белая Криница (*южная традиция*). По аналогии с ними имеются две певческих традиции.

В старообрядческой церкви как конфессии есть религиозно-административные, духовные центры, в том числе и певческие – изучение должно начинаться с них. Таким ведущим центром является Московская Рогожская община, а интересным локальным культурным и певческим очагом в XX в. – Стрельниковская община Костромской области. Созданная при сельском храме священником, отцом Григорием Лакомкиным, эта школа подготовила много высокопрофессиональных певцов. В Стрельникове на протяжении всего столетия не прерывалась богослужебная практика. Поскольку община была замкнутой, в ней сложились и сохранились самобытные исполнительские традиции, являющиеся, в своем роде, уникальными в масштабах всей старообрядческой певческой культуры.

Большую ценность в старообрядчестве имеет то, что хранится певцами изустно: речитативное чтение, пение по «напевке»; огромное значение имеет устная передача певческих навыков, непрерывная связь поколений.

Старообрядческое церковное исполнение имеет ряд особенностей: ровную динамику, цепное дыхание, четкую дикцию, звукоизвлечение, темпово-ритмическую нюансировку, стабильный регистр, профессиональное владение нотацией, систему обучения крюкам и пению в хоре. Самими носителями традиций певческая культура осознается в живом исполнении, в комплексе всех музыкально-выразительных средств.

В современной старообрядческой певческой культуре есть пласт чисто устного пения – «напевка», т.е. исполнение какого-либо песнопения не по крюковым книгам, а по устной версии, сложившейся в приходе. Устная версия – «напевка» – (по отношению к письменному источнику) не является формальным упрощением напева. Она представляет собой схему его ритмической и звуковысотной структуры в реальном воспроизведении. В стилистическом плане песнопение из невматического по складу превращается в силлабическое.

Устные версии напевов разных общин, сохраняя в целом типологическое единство, в каждом месте имеют

свои особенности, которые являются «родным языком» для певцов и членов прихода и камнем преткновения для посторонних. От частого исполнения память певцов фиксирует главные, сущностные аспекты в структуре напева. Аналитические операции показали [39], что певцы знают правила сочетания элементов напева, правила построения формы, поэтому могут создавать текст, по стилю и морфологии отвечающий требованиям средневекового канона. А это и доказывает, что старообрядцы не являются формальными носителями традиции – они мыслят категориями древней музыкальной системы. Вот в чем заключается основная ценность их культуры.

Из всего этого напрашивается следующий вывод: «напевка», устная версия – это музыкальный язык общины, на котором мыслят и певцы, и прихожане. Все для них является родным в этих напевах: темп, долгота звуков, опевание опорных звуков, каждый мелодический оборот и т.д. Таковой она – «напевка» – является в каждом приходе. В итоге можно подчеркнуть, что при типологическом единстве старообрядческой культуры – культуры средневекового характера, культуры профессиональной – особенное, индивидуальное, безусловно, проявляется, но в пределах, не допускающих разрушение канона.

Таким образом, «напевка» у старообрядцев не есть результат упадка их культуры и потери крюковой грамотности.

Как и в других видах церковного искусства – иконописи, медном литье, искусстве полемиической лите-

ратуры и т.д., старообрядцы в пении явились не просто формальными хранителями крюкового пения.

Они создали целый пласт культуры, свой, самобытный, выстраданный во время гонений и запрещений – искусство пения по «напевке». Его отличает, помимо оригинальности, с одной стороны, отсутствие редакций данных напевов в письменных источниках до времени раскола на Руси, в иных средневековых культурах (в других странах и конфессиях), устный характер их передачи, а значит – непрерывный, не прекращавший свое существование на какое-либо время, следовательно, несущий живую память о всех поколениях, хранивших «старую веру».

С другой стороны, стилистика этих песнопений доказывает их органичную связь с культурой Древней Руси, с напевами, зафиксированными в певческих источниках, тем самым подтверждая, что старообрядцы сохранили древнерусскую культуру в музыкальном мышлении, исполнении и интерпретации памятников, что они являются потомками той эпохи, для которой «... прежде всего это принцип преобладания общего над индивидуальным. Часть не существует сама по себе и не автономна, но включается в некую всеобщность. Как природа, так и общество представляют собой целостные комплексы, от которых зависят образующие их элементы. Всякая песчинка отражает целое и воплощает премудрость Творца, создавшего мир с его гармонической согласованностью и связанностью всех его частей. Свой смысл и значение всякое индивидуальное получает от общего» [40. С. 250].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Старообрядческий церковный календарь* за 1986 г. М., 1986.
2. *Келдыш Ю.В.* История русской музыки: В 10 т. М., 1983. Т. 1.
3. *Преображенский А.В.* Вопрос о единогласном пении в Русской церкви XVII века: Исторические сведения и письменные памятники. СПб., 1904.
4. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898.
5. *Музыкальная эстетика России XI–XVII веков: [Документы и материалы]* / Сост. текстов, пер. и общ. вступ. ст. А.И. Рогова. М., 1973.
6. *Житие* протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск, 1990.
7. *Церковное пение: Ежемесячный старообрядческий журнал.* Киев, 1990. № 1–12.
8. *Пождаева Г.А.* Демественное пение в рукописной традиции конца XV–XIX веков: Дис. ... канд. искусствовед. М., 1982.
9. *Книга* Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. СПб., 1908–1913. Т. 21, ч. 2.
10. *[Валсамон и Зонара]: Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона* / Рус. пер. с предисл. и прим. В.А. Нарбекова. Казань, 1899. Ч. 2.
11. *Ответы* Александра Диакона (на Керженце), поданные Нижегородскому епископу Питириму в 1719 году. М., 1995. С. 117–118.
12. *Шапков А.Т.* Первые антицерковные выступления тобольских и тюменских старообрядцев (1662–1665 гг.) // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999.
13. *Богомолова М.В.* История бытования древнерусских роспевов и певческих книг в Ветковско-Стародубских слободах XVII–XX вв. // Невские хоровые ассамблеи. М., 1984. С. 105–107.
14. *Богомолова М.В., Кобяк Н.А.* Описание певческих рукописей XVII–XX вв. Ветковско-Стародубского собрания МГУ // Русские письменные и устные традиции и духовная культура: (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М., 1982. С. 162–227.
15. *Денисов Н.Г.* Традиции пения старообрядцев юго-западной части России и Верхнего Поволжья // Музыкальная культура Средневековья. М., 1992. Вып. 2. С. 161–211.
16. *Денисов Н.Г.* Устные традиции пения у старообрядцев: пение по «напевке», вопросы интерпретации: Дис. ... канд. искусствовед. М., 1996.
17. *Русские письменные и устные традиции и духовная культура.* М., 1982.
18. *Смилянская Е.Б.* К изучению историко-культурного значения Ветковско-Стародубского старообрядческого центра в XVIII–XX вв. // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999. С. 205–210.
19. *Поздеева И.В.* Археографические работы Московского университета в районах древней Ветки и Стародуба (1970–1972 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 52–69.
20. *Гребенюк Т.Е.* Художественное своеобразие ветковских икон: Технико-технологический аспект // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 1998. Вып. 6. С. 6–9.
21. *Нечаева Г.Г.* Ветковская икона. Минск, 2002.
22. *Бобков Е.А., Бобков А.Е.* Певческие рукописи с Ветки и Стародубья // ТОДРЛ. 1989. Т. 42. С. 448–451.
23. *Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX в.: Каталог* / Сост. А. Вознесенский. Л., 1991.
24. *Старообрядческий церковный календарь* на 1982 г. М., 1982.
25. *Алехина Л.И.* Певческие книги в собрании ЦМ и АР // Музыкальная культура Средневековья. М., 1992. Вып. 2.
26. *Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря* / Сост. С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков. М., 1996.

27. *Ряжев А.С.* Иргизские старообрядческие общины второй половины XVIII – первой половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 1995.
28. *Географический словарь* Московской области. М., 1967.
29. *Церковное пение*: Ежемесячный старообрядческий журнал. Киев, 1909. № 1–12.
30. *Бобков Е.А.* Певческие рукописи гуслицкого письма // ТОДРЛ. Л., 1982. Т. 32.
31. *Сарафанова Н.С., Дробленкова Н.Ф.* Поездка за рукописями в Орехово-Зуевский и Куровской районы Московской области в декабре 1958 г. // ТОДРЛ. Л., 1960. Т. 16.
32. *Войтенко А.Ф.* Заметки о лингвистических границах старообрядческих говоров Подмосковья // История и география русских старообрядческих говоров. М., 1995.
33. *Лизунов В.С.* Старообрядческая Палестина. Орехово-Зуево, 1993.
34. *Макаров В.Е.* Очерк истории Рогожского кладбища в Москве: (К 140-летию его существования, 1771–1911). М., 1994.
35. *Мариничева Г.А.* Страницы к истории старообрядческого Рогожского кладбища в Москве (центра Старообрядческой церкви, приемлющей священство Белокриницкой иерархии). М., б. г. Ч. 1.
36. *Горячева Т.Д.* Источники по истории Рогожской старообрядческой общины (вторая половина XIX – начало XX в.): Опыт источниковедческой характеристики // Мир старообрядчества: История и современность. М., 1999. Вып. 5.
37. *Геронтий (Лакомкин), еп.* Воспоминания / Публ. В. Новожилова // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Кострома, 1999. Вып. 4.
38. *Училище пения* // Слово Церкви. 1917. № 327.
39. *Денисов Н.Г.* Стрельниковский хор Костромской земли. Традиции старообрядческого церковного пения. М., 2005.
40. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 14 марта 2010 г.